

Петров Олег Георгиевич родился 12 июля 1954 г. в селе Ново-Сысоевка Яковлевского района Приморского края в семье военнослужащего ВВС, служил в погранвойсках на Дальнем Востоке (заработал знак «Отличник погранвойск» II и I степеней – последний за задержание нарушителя госграницы). Вернулся в Читу, поступил на историческое отделение Читинского государственного педагогического института им. Н.Г. Чернышевского, который закончил в 1977 г. Год проработал в сельской школе (с. Танга Улетовского района Читинской области), преподавал историю, обществоведение и начальную военную подготовку.

Осенью 1978 г. был направлен на службу в органы внутренних дел. Начал публиковаться в местной печати. Долгие годы возглавлял милицейскую газету в Чите. В феврале 1995 года был назначен заместителем начальника управления исполнения наказаний (по работе с личным составом и кадрам) УВД Читинской области. После передачи пенитенциарной службы из МВД в ведение Министерства юстиции России (в сентябре 1998 г.) в этой же должности зам. начальника (теперь уже самостоятельного регионального управления) служил до апреля 2005 г., когда перешёл на государственную гражданскую службу – заместителем руководителя Главного управления Федеральной регистрационной службы Минюста России по Читинской области и Агинскому Бурятскому автономному округу.

В 2007 г. полковник внутренней службы, участник боевых действий в Чечне Петров уволился со службы по собственному желанию.

По инициативе губернатора Читинской области Р.Ф. Гениатулина в 2007 г. писатель и журналист О.Г. Петров организовал выпуск и стал главным редактором регионального литературно-художественного журнала «Слово Забайкалья».

ЭКИПАЖ

МАШИНЫ ОГНЕВОЙ...

К 80-ЛЕТИЮ СРАЖЕНИЙ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

БАЛЫКЛЕЙЦЫ ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОГО

Две стриженные головы склонились над газетным листом. В который раз Александр и Сергей, рассматривают фото: на фоне грозного танка три ладные фигуры. Сергей читает вслух:

– «Отлично служат в Н-ской части три брата Михеевых, боевой экипаж быстрого танка. Зорко стоят братья-танкисты на страже дальневосточных рубежей нашей славной и великой Родины...»

– Здорово, скажи, Сань! – Сергей восторженно толкает брата кулаком в плечо. – Представляешь, и мы бы так!..

– Ишь, куда хватил, – степенно отзывается Александр. – Так просто танк не доверят.

– Но мы же с тобой – самые подходящие! – Сергей взволнованно вскакивает. – В школе механизаторов трактора, автомашины изучили. Нам самая прямая дорога на танки! А как звучит: экипаж братьев Мезиных! Совсем, как братьев Михеевых...

– Их трое – полный экипаж, – вздыхает Александр. – Нас хотя бы на броневомобиль...

Рядом с газетой на столе повестки: в начале сентября прибыть на призывную комиссию.

В конторе Хопёрского зерносовхоза – в родном для братьев Мезиных селе Горный Балыклей Сталинградской области – заседала комиссия. Её решение вызвало у братьев восторг: зачислены на службу в моторно-механические части! Вместе!

14 сентября 1938 года новобранцы отправились в путь. Застучали на стыках вагонные колеса. Спустя неделю поняли – не просто на Дальний Восток, а в неведомую Монголию!

Городок Ундэр-Хан. Юрты, юрты, один дом деревянный в центре. И длинные казармы-полуземлянки на окраине. Военгородок 11-й танковой бригады. В 32-й отдельной роте боевого обеспечения служат братья Мезины. Уже полгода. Поначалу по дому сильно скучалось. Чуть ли не каждый вечер вспоминали: как там наша Дарья Васильевна, как братишки, сестрёнки, батя?..

Боевая учёба Сергею нравится. Все получилось, как они с Санькой и загадывали. После «карантина» изучали материальную часть танков: стремительной «бэтэшки» – лёгкого танка БТ-7, более солидного Т-26. Зачёты Мезины сдали успешно, отличились

на вождении, хотя боевую машину пришлось водить по сложному рельефу – овраги, топкие берега местной речушки Керулен.

И самое главное сбылось!

– Будете танковым экипажем! – объявил командир. – Назначаю Александра Мезина командиром танка, брата – механиком-водителем.

У братьев недоумение в глазах: земляки, три брата Черновы из Камышина, – полный экипаж на БТ-7, а их-то, Мезиных – двое! Комроты выдержал паузу, хитро прищурились, и закончил:

– Танк специальный, огнеметный, БХМ-3, экипаж два человека. Изучайте новую часть.

БХМ расшифровывается просто – боевая химическая машина. В роте боевого обеспечения таких шесть. В башне – пулемёт ДТ, огнеметная установка, есть оборудование, чтобы в бою ставить дымзавесу. Только вот скорость... Ребята с «бэтэшек» смеются: у нас в бригаде – рота «черепашек»!

... Чистый и близкий звук горна рассек тишину. Тревога! Подняты стрелковый батальон, артдивизион и рота броневых автомобилей, двинулись к китайской границе – самураи полезли!

А душным июльским вечером, сыграл трубач сигнал боевой тревоги и танкистам. От комроты Александр вернулся с лицом закаменевшим:

– Японцы в наступление пошли. Да ты не дрейфь... – Брат мягко улыбнулся. – Мы, Мезины, сам знаешь, везучие. Ладно, не об этом. – В голосе Александра зазвучали доселе незнакомые стальные нотки. – Задача такова: марш в район реки Халхин-Гол. Получается, верст семьсот намотаем. Приказано быть готовым к отражению воздушного нападения противника. Всё, заводите! Отмашку дали с головной машины!

С марша пошли прямо в бой, у Баин-Цагана. Три дня ада, десятки чадающих танковых костров. И первые потери в роте: погибли механики-водители Кормилин и Желудков, тяжело ранены комвзвода Журавлев, командир танка Рябов и механик-водитель Попов. Когда японцев отбросили за реку, Сергей и его товарищи увидели и подбитые танки, и погибших. Впервые молодые бойцы воочию столкнулись с жестокостью врага: мёртвых танкистов японцы до неузнаваемости изуродовали штык-ножами и палашами.

Враг ждал танковых атак: тщательно пристрелял противотанковые пушки, даже колышки япошки позабывали, чтобы точно знать дистанцию для огня, иметь на степном поле ориентиры для прицельной стрельбы. Запаслись специальными термитными снарядами, пехоту вооружили бутылками с зажигательной смесью и пакетами с липкой бумагой – от удара о броню пакет раскрывается и залепляет смотровую щель. А ещё применяли самураи против танков и бронемашин управляемые мины: в замаскированных ячейках, в полу-

сотне метров друг от друга, сидело по пехотинцу, меж ними протянут крепкий шнур, к которому привязаны противотанковые мины. Идут наши танки в атаку, а японцы быстро подтягивают мину на шнуре под гусеницы. Или выдвигают её на длинной бамбуковой палке под танк...

ХАЛХИН-ГОЛ, 20 августа 1939 года

Началось! Над головой с шелестом пошли снаряды. Косматые огромные кусты разрывов встали над японскими позициями. Всё – как на ладони. Вот и пехота наша поднялась.

Санька обеими коленками в спину толкает: жми, Серёга, вперёд! Когда одной ногой толкает – это поворот: левым коленом в плечо – значит, поворот влево. Рычаг на себя. Новый толчок в спину – прямо! Мотор работает чётко, хорошо вчера его подшаманили, не должен подвести...

«Бэтэшки» нагнали атакующие цепи, вырвались вперёд... Куда они так чешут?! Япошки враз пулемётами пехоту от «бэтэшек» отсекали, положили на косогоре – головы не поднять, не шевельнуться! А «бэтэшки» на газах перемахнули через самурайские траншеи и дальше – японцам в тыл. Но как же пехота? До темноты на виду у япошек лежать? Выцелкают ребят по одному...

Четыре чёрных столба – в небо. Жгут японцы БТ термитными – сгорает машина подчистую... На Баин-Цагане нагляделись: черное изуродованное железо, а среди него – спечённые головешки. Все, что от ребят...

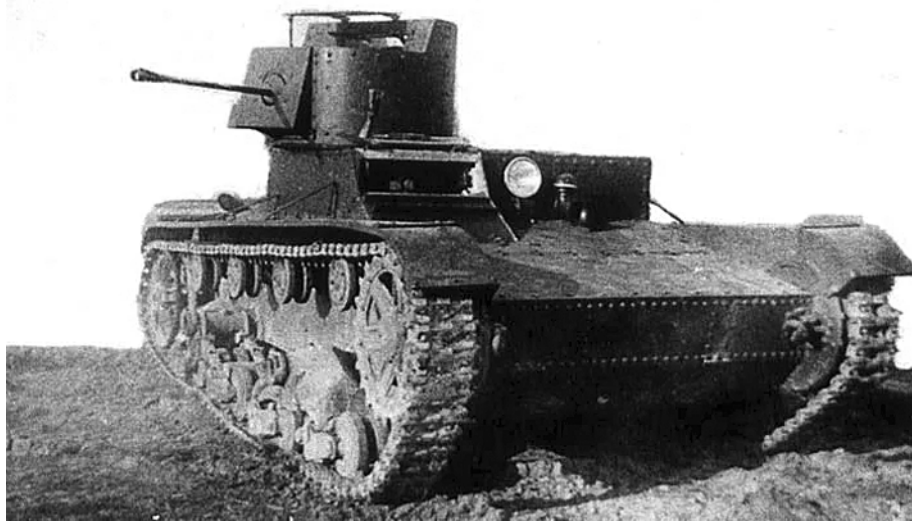
Слева впереди ещё одна рота БТ-7. После утренней атаки, когда они так лихо рванули через японские позиции, пришлось вскоре им отойти назад, потеряв четыре машины. Дорогим оказался лихой рывок...

Теперь пошли все вместе: огнеметный взвод идёт за «бэтэшками» правым уступом, позади – пехота, третья рота, утром в атаку не ходила, была в резерве.

Самураи огрызаются зло – вся линия их траншей высверкивает пулемётным и винтовочным огнём. Ишь, по броне как градом промолотило! Да... Не позавидуешь братцам-пехотинцам...

Из боевого донесения командира взвода БХМ-3 младшего лейтенанта Козлова:

«После перенесения артогня в глубину обороны противника, силами взвода атаковал переднюю линию обороны японцев в следующем порядке: три БХМ-3 в линию, мой БТ-7 в 100 м сзади. Первым с дистанции 100 м произвел огнеметание по траншее противника танк мл.с-та Дорофеева, затем огнеметный залп дали танки Мезина и Шпицера. Попадание было точным, вызвало у японцев панику, что позволило вплотную приблизиться к траншее и накрыть огнеметанием ходы сообщений. Японцы обратились в бегство. Взвод, продолжая огнеметание затяжных выстрелами, преодолел первую траншею и продолжил совместно с пехотой преследование врага. Противник бросал оружие и спасался бегством. Замечу, что вместе с японскими солдатами в первой траншее были и русские белогвардейцы, т.к. раздавались крики на русском языке и мелькали солдаты, одетые в белогвардейскую форму. При атаке второй линии траншей противника, японцы попытались использовать противотанковое орудие на правом фланге. Японское орудие уничтожил двумя выстрелами из танковой пушки. Совместно с пехотой продолжал преследование бегущего противника до наступления сумерек. Затем принял решение атаку прекратить, так как подвергся обстрелу дальнобойной японской артиллерией. Дал команду взводу отходить в тыл. При движении назад обнаружил замаскированное японское орудие, из которого противник готовился открыть огонь по танкам с тыла. Пулемётным огнём орудийный расчёт уничтожил, орудие раздавил гусеницами. При этом получил повреждение: с ведомого колеса сошла левая гусеница. Поломку устранили

своими силами с помощью подошедшего танка бригады Мезиных. На исходные позиции взвод вернулся в 21.30. Потерь в боевой технике и личном составе не имею».

Подъехал командир полка, обнял и расцеловал каждого. Торжественно объявил: всех танкистов, участвовавших в атаке, представляет к орденам Красного Знамени. Каково, а?

ХАЛХИН-ГОЛ, 22 августа 1939 года

В этот день взвод БХМ-3 вновь был направлен на левый фланг. Предстояло уничтожить сильно укрепленный оборонительный узел японцев. По сведениям разведки, строили его, на месте высохшего озера, девятьсот пленных баргутов, которых самураи по окончании строительства расстреляли. Сеть бетонированных огневых точек для орудий и пулеметов соединена подземными и траншейными ходами. Под землей же – помещения для личного состава, конюшни, склады оружия и боеприпасов...

Зашипела, прочерчивая небосклон, зеленая ракета. В атаку! Скоростные БТ-7 резов тронулись с места, вышли на косогор и развернулись в направлении объекта атаки. Следом поползли БХМ-3. С характерным шелестом над головами пошли первые снаряды – заградогонь нашей артиллерии.

Но кто мог подумать, что грозно рвавшие в атаку «бэтэшки» наматывают на траки... телефонные провода – линии связи артиллерийских наблюдателей с батареями. Потеряв связь, артиллеристы прекратили огонь. А японцы ударили из орудий по нашим атакующим танкам. Не имея времени на розыск и уничтожение вражеских пушек, «бэтэшки» быстро отошли назад, изпод артогня откатились в тыл и бронемашин. На первой линии, лоб в лоб с японской артиллерией, остались «черепашки».

Первым был подождён танк Дорофеева. Снаряд пробил бак с огнесмесью. Поляхнуло так, что Александр Мезин на несколько мгновений даже ослеп, но потом всё-таки разглядел, как из горевшей машины выпрыгнули механик-водитель Штаньков и Дорофеев, на котором горел комбинезон. Штаньков ударами шлема сбил пламя с командира, и они оба побежали в сторону наших позиций.

А дальше было не до наблюдения за спасающимися товарищами. Ударил снарядный разрыв справа, потом слева, снова слева, справа, впереди – прямо перед танком. Волна пыли и песка с силой окатила машину, через щель люка хлестнула Сергея по глазам. И тут же удар потряс лобовую часть танка, мгновенно сменившись ревом завывшего мотора и оглушительным скрежетом. Страшная боль пронзила голову справа, а потом обрушилось беспомышленность...

Когда, несколько минут спустя, Сергей пришёл в себя, он первым делом обнару-

жил, что всё-таки, чисто автоматически, успел перед потерей сознания нажать на педаль сцепления, не дав двигателю заглохнуть. Загорания, вроде, нет... А Санык?! И тут же тычок в спину: «Вперёд!» Жив, братуха!

Но стронуть машину не получается! – Замедленную, Серёга, давай! Это значит – буксирную. Не берёт! – Заднюю давай! Давай заднюю!! Пошла! Пошла, родимая! Гремит, но назад идёт!

– Пробуй в тыл развернуться! Удалось! Танк ужасно грохочет, кажется, сейчас на части развалится.

Через открытый люк Сергей увидел, как впереди, прихрамывая и пригибаясь, бежит Дорофеев.

– Прыгай на машину! Прыгай! – что есть силы, стараясь перекричать железный грохот и разрывы снарядов, заорал Сергей. – Прыгай!

Чуть повернул машину, чтобы прикрыть товарища корпусом. Дорофеев тяжело забрался на крыло, по бедру обильно струится кровь.

– Осколком порвало! – закричал бледный, обливающийся потом Дорофеев. – Чуть не сорел! Спасибо Штанькову, сбил с меня пламя! Где он?!

Дорофеев завертел головой, ткнул рукой. Зигзагами, вправо-влево, низко пригибаясь, метрах в пятидесяти впереди бежал в тыл Михаил. Японцы видели его, старались достать: взрыла землю рядом с бегущим пулеметная очередь!

Сергей снова чуть повернул танк, закрывая и Штанькова корпусом машины. Вот уже запыхавшийся Михаил запрыгивает на броню.

Так и доехали обратно, без новых приключений. Только тут Сергей понял, что плохо слышит. Тронул режущее болью правое ухо – ладонь в крови. Откуда-то издалека голос командира:

– Как дела?! – Это подбежавший Козлов в другое ухо кричит.
– Но-ормально.

Потом медики определяют разрыв барабанной перепонки правого уха. Но это потом. Машине куда больше досталось: в лобовой части нижний наклонный броневой лист разворочен взрывом, передняя часть коробки скоростей разбита, полукарданы еле держатся в гнездах. Трубка масляного манометра перебита, отчего по дну боевого отделения растекалась чёрная липкая лужа, набежавшая из поврежденной коробки скоростей и мотора. Нетрудно сообразить, что произошло после удара снаряда. Обломки алюминиевого корпуса коробки скоростей заклинили шестерни – вот почему, понял Сергей, ни вторую, ни первую, ни буксирную скорости включить было невозможно. А когда врубил заднюю, осколки выпали, и машина смогла сдвинуться. Повезло...

Рыча и чадя удушливым дымом из выхлопных труб, подполз танк Шпицера. Старшина роты выбрался из башни, тяжело

спрыгнул на землю и подошел к танку Мезиных. Удручающе покачал головой, что-то говоря. Комвзвода закивал головой и энергично потряс Якову руку, потом прокричал Сергею в ухо:

– Спасители ваши!

Подбитая машина Мезиных представляла для японцев хорошую мишень, но экипаж третьего танка, которым командовал Шпицер, не дал самураям добить израненную машину. Усилил пулемётный огонь, Шпицер с Михеевым обошли и закрыли корпусом танк Мезиных. Так следом и стали отходить, строча по самурайским позициям. Японцы яростно вели огонь по прикрывающему танку. Один снаряд ударил в корму, но угодил в бухту буксирной цепи. Так что и ребятам повезло.

...В ночь на первое сентября остатки японских войск были выброшены за пределы Монголии, восстановлена линия границы, хотя ещё с полмесяца продолжались бои в воздухе и отдельные стычки в пограничной полосе, вплоть до 16 сентября, когда дипломаты милаго запросили мира.

Боли в голове – чёртова контузия! – настроению не помеха. Сергей вспомнил первый день отдыха после боёв. Вечером, прямо между танками, натянули киноэкран и показали новый фильм. «Трактористы!» Четыре раза подряд крутили картину. И уже вскоре по бригаде гуляли переделки песни: в каждом взводе на свой лад. Яша Шпицер горланил: «Два танкиста, Мезины два брата, экипаж машины огневой!»

А в декабре перед строем объявили Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении воинов-танкистов, отличившихся в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол.

Высокое звание Героя Советского Союза было присвоено командиру взвода огнёмётных танков лейтенанту Козлову. Наиболее активных участников боёв наградили орденами Ленина, в том числе двух братьев Фесенко, воевавших на бронемашине БА-6, которые первыми в бригаде подбили японский танк.

К орденам Ленина представляли и Мезиных – за спасение стрелкового батальона, на который японцы, пытаясь вырваться из окружения, обрушили отчаянный удар. Но в «верхах» рассудили иначе: уже представлены братья к орденам Красного Знамени, – что же, снова на этих «орлов» представления писать? Не многовато ли? В общем, наградили братьев орденами Красного Знамени.

...Много чего было дальше. Но это – отдельный рассказ. О свинцовых верстах Великой Отечественной и напряжённом послевоенном труде. И другие награды были. Но ордена за Халхин-Гол – самые дорогие для Мезиных. Хотя не дороже человеческого счастья: и сами живы остались, и выросли под мирным небом достойными дети, появились внуки. Что ещё надо...

